

**МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР: КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Мир сегодня переживает беспрецедентные изменения, вызванные технологическими революциями, геополитическими сдвигами и трансформацией информационного пространства. В этих условиях культура перестает быть лишь сферой интеллектуальной жизни, искусства и традиций, она становится ключевым элементом реализации национальных интересов. Национальные интересы традиционно ассоциируются с территориальной целостностью, экономическим процветанием и политическим влиянием.

Современная эпоха глобализации и цифровой революции кардинально изменила ландшафт международных отношений, где культурный фактор приобрел значение стратегического ресурса национальной безопасности. В отличие от традиционных форм суверенитета, культурный суверенитет представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую историческую память, ценностные ориентиры, художественные традиции и современные креативные индустрии. Особенность текущего момента заключается в том, что культурное пространство перестало быть второстепенным элементом государственной политики, превратившись в ключевое поле геополитического противостояния, где борьба ведется в первую очередь за умы и сердца людей.

В эпоху глобализации культурный суверенитет напрямую влияет на способность государства сохранять идентичность и конкурировать на мировой арене. Глубинные механизмы культурного влияния сегодня

реализуются через сложную систему взаимосвязанных каналов, включая образовательные программы, медиaprостранство, цифровые платформы и индустрию развлечений.

Исследования показывают, что эффективность такого воздействия обусловлена его постепенностью и системностью – от внедрения отдельных культурных маркеров до формирования целостной картины мира. Особую опасность представляет технология «мягкой» культурной экспансии, когда через популярные сериалы, музыкальные клипы, видеоигры и т.п. транслируются ценностные установки и определенные модели поведения. Например, анализ контента ведущих стриминговых платформ демонстрирует последовательное продвижение идей, противоречащих традиционным культурным кодам многих обществ, причем делается это под видом творческой свободы и прогрессивных взглядов.

В контексте цифровизации особую актуальность приобретает проблема алгоритмического управления культурными предпочтениями. Социальные сети и рекомендательные системы, построенные на искусственном интеллекте, формируют так называемые «фильтрующие пузыри»¹, которые постепенно изменяют культурные ориентиры пользователей.

Молодежь, проводящая в цифровой среде значительную часть времени, особенно подвержена этому влиянию, что создает угрозу межпоколенческого разрыва в восприятии национальной идентичности. Примечательно, что крупнейшие технологические корпорации, контролирующие эти платформы, часто действуют в тесной координации с

¹ Фильтрующий пузырь – это цифровое пространство, в котором алгоритмы подбирают контент, подстраиваясь под предпочтения отдельного пользователя. Эти алгоритмы, используемые на платформах социальных медиа и агрегаторах новостей, стремятся поддерживать интерес пользователя, показывая ему то, что он хочет видеть.

государственными структурами своих стран, реализуя таким образом стратегии «цифрового колониализма».

Появилось и постоянно углубляется в теоретическом плане, а также развивается в практической плоскости такое явление как стратегические коммуникации. Это понятие охватывает все средства воздействия на сознание и поведение масс людей. Стратегические коммуникации превратились в важнейший инструмент формирования общественного сознания и управления социальными процессами. Особую значимость приобретает анализ культурных аспектов этих коммуникаций, поскольку именно культура, будучи фундаментом национальной идентичности, становится ключевым полем идеологического противоборства в условиях глобализации.

Проблема современного понимания стратегических коммуникаций заключается в их чрезмерно узкой трактовке – как инструментов PR и медиавоздействия. Такой подход игнорирует глубинные механизмы формирования ценностных ориентиров, которые закладываются через культурные коды и художественные образы. Особенно тревожной представляется недооценка роли популярной культуры – музыки, моды, визуальных искусств – в процессе формирования мировоззренческих установок молодежи. Именно эти каналы культурной интервенции оказываются наиболее эффективными в долгосрочной перспективе, так как воздействуют на подсознательном уровне, минуя рациональные фильтры критического восприятия.

Исторический анализ показывает, что понимание культурного фактора как инструмента геополитики не является новым. Еще в XVIII веке Уильям Блейк в своих произведениях указывал на ключевую роль искусства в строительстве и разрушении империй. Его пророческие слова

о том, что «основа любой империи – искусство и науки»², находят свое подтверждение в современных реалиях. В XX веке эта концепция получила развитие в работах Антонио Грамшио по культурной гегемонии³, а также в практиках «холодной войны», когда культура стала полем идеологического противостояния.

Современные образовательные системы ведущих мировых держав демонстрируют растущее внимание к подготовке специалистов в области стратегических коммуникаций. Если рассматривать количественные показатели, то США с их 36 образовательными программами и 790 выпускниками ежегодно задают высокий стандарт в этой сфере. Китай, имея 28 программ и выпуская 450 специалистов, демонстрирует системный подход к формированию кадрового потенциала. Индия (14 программ, 310 выпускников), Евросоюз (9 программ, 260 выпускников) и Великобритания (3 программы, 75 выпускников) также активно развивают это направление. Российская система образования в данной области пока находится на стадии становления, что требует ускоренного развития соответствующих образовательных программ с учетом национальных особенностей и стратегических интересов.

Ряд примеров культурной интервенции, таких как украинский кейс, демонстрируют высокую эффективность комплексного воздействия через различные каналы популярной культуры. Особого внимания заслуживает технология поэтапного внедрения националистических нарративов: сначала через безобидные на первый взгляд элементы – музыкальные мотивы, орнаменты, фольклорные реминисценции, которые постепенно формируют новую систему культурных кодов. Затем следует этап

² Блейк У. Песни невинности и опыта / У. Блейк; перевод с английского С.А. Степанов. – Санкт-Петербург: Пальмира, 2018. – 263 с. – Текст: непосредственный.

³ Грамши А. Наука политики. Как управлять народом / А.Грамши; перевод с итальянского Г. Смирнов, В.А. Дмитриченков. – Санкт-Петербург: Алгоритм, 2024. – 336 с. – Текст: непосредственный.

активной мифологизации истории через комиксы, видеопродукцию и социальные сети, где создаются упрощенные, но эмоционально заряженные образы «своих» и «чужих». Завершающей фазой становится политическая активизация сформированного таким образом культурного пространства.

Анализ научной литературы по данной проблематике выявляет тревожную тенденцию – после распада СССР фундаментальные исследования роли культуры в идеологическом противоборстве практически прекратились. Работы советского периода, такие как «Идеологическая борьба и современная культура Запада» под редакцией И.В. Млечиной⁴ или «Поле битвы – сердца людей» В. Анзикеева⁵, несмотря на свою идеологическую ангажированность, содержали ценный аналитический материал. Современные исследования, подобные книге Фрэнсис Стонор⁶ о деятельности ЦРУ в сфере культуры или работе О.В.Рябова «Враг номер один»⁷, остаются скорее исключением, чем системной практикой.

Особую озабоченность вызывает ситуация в сфере музыкальной индустрии, где, как показывают исследования, западные лейблы продолжают доминировать, определяя не только коммерческие тренды, но и ценностные ориентиры. Аналогичная ситуация наблюдается в относительно новых форматах цифрового контента, таких как «шорты» –

⁴ Идеологическая борьба и современная культура Запада / [И. В. Млечин, С. И. Бэлза, Т. В. Балашова и др.]; Отв. ред. И. В. Млечин; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1988. – 293 с. – Текст: непосредственный.

⁵ Поле битвы – сердца людей. Лит., искусство, культуры – борьба идей, мировоззрений, полит. систем : [Сб. ст. / Сост. В. Анзикеев]. – Москва : Худож. лит., 1987. – 333 с. – Текст: непосредственный.

⁶ Стонор Ф. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны: Френсис Сондерс / Ф.Стонор; перевод с английского В.М. Крашенинников, Е.Б.Логинов. – Москва: Кучково поле, 2020. – 416 с. – Текст: непосредственный.

⁷ «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О. В. Рябова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. 400 с. – Текст: непосредственный.

короткие видео в социальных сетях, которые практически не подвергаются серьезному научному анализу, несмотря на их колоссальное влияние на молодежную аудиторию.

Перспективы развития культурного суверенитета в XXI веке будут определяться способностью государств находить баланс между традицией и инновацией, между защитой идентичности и открытостью мировому опыту. Особую роль в этом процессе играет научное сообщество, перед которым стоит задача разработки новых междисциплинарных подходов к изучению культурных процессов, объединяющих методы культурологии, политологии, цифровой антропологии и когнитивных исследований. Только такой комплексный подход позволит создать эффективную систему культурной безопасности, соответствующую вызовам современности.

В конечном итоге, культурный суверенитет – это не просто элемент государственной политики, а условие сохранения цивилизационной субъектности в условиях глобальной трансформации. Страны, которые смогут выработать гармоничную модель культурного развития, сочетающую традиционные ценности с современными технологиями, получают значительное преимущество в новой геополитической реальности. Культура не перестает быть сферой досуга и развлечений, но она становится и стратегическим ресурсом, от эффективного использования которого зависит будущее наций в цифровую эпоху.

При этом важно учитывать, что защита культурного суверенитета не должна сводиться к простому ограничению внешнего влияния. Речь идет о создании условий для органичного развития национальной культуры, способной к диалогу с другими традициями, но сохраняющей свою идентичность. Особую роль в этом процессе играет государственная культурная политика, которая должна быть основана на глубоком

понимании современных социокультурных процессов и цифровых тенденций.

Как представляется, эффективная стратегия культурного суверенитета должна включать несколько взаимодополняющих направлений. Прежде всего, это поддержка национальных креативных индустрий – от кинематографа и музыки до видеоигр и цифрового искусства. Во-вторых, это развитие системы фундаментального культурного образования, сочетающего традиционные ценности с современной медиаграмотностью. Необходимо разрабатывать и совершенствовать образовательные программы, которые должны не только готовить специалистов в области стратегических коммуникаций, но и формировать у будущих деятелей культуры понимание их ответственности за сохранение национальной идентичности. В-третьих, требуется развивать научные исследования в области культурологии, искусствоведения и медиапсихологии, направленные на изучение механизмов культурного воздействия. В-четвертых, важно развивать собственные креативные индустрии, способные конкурировать с западными аналогами по качеству контента, но основанные на традиционных ценностях.

Особое значение приобретает международное культурное сотрудничество, которое должно строиться на принципах взаимного уважения и равноправия. В этом контексте перспективным направлением является развитие межкультурного диалога, позволяющего находить точки соприкосновения между различными культурными традициями без утраты их уникальности.

Важно отметить, что культурный суверенитет в XXI веке – это не вопрос изоляционизма или культурной автаркии, а условие для равноправного участия в глобальном диалоге культур. Страны, которые смогут выработать сбалансированную модель культурного развития,

сочетающую защиту идентичности с открытостью к инновациям, получают значительные преимущества в новой геополитической реальности. Культура становится тем стратегическим ресурсом, который определяет не только настоящее, но и будущее наций в эпоху цифровой трансформации.

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях современного информационного общества культурная интервенция представляет собой не менее серьезную угрозу национальным интересам, чем традиционные формы агрессии. Ответом на этот вызов должна стать продуманная, научно обоснованная культурная политика, сочетающая защиту национального культурного пространства с развитием собственного креативного потенциала. Только такой комплексный подход позволит сохранить культурный суверенитет и обеспечить устойчивое развитие общества в условиях глобальных вызовов.